

РАЗГОВОРЧИКИ

«Рабством гордились. Вот они, духовные скрепы!»

Николай Сванидзе побывал в гостях у Клуба депутатов

Юлия Баталина

Представляя Клубу депутатов очередного гостя, председатель Андрей Колесников сказал, что разговор пойдёт о незыблемых ценностях — свободе личности и свободе слова, а гость — виднейший эксперт в этой сфере. Сказав это, он передал слово Николаю Сванидзе — историку, публицисту, профессору и телеведущему.

Автор «Исторических хроник» к актуальным вопросам подошёл исторически. Легко цитируя наизусть переписку Ивана Грозного и публицистику Герцена и безошибочно оперируя датами, он нашёл обоснование современным проблемам России в её истории аж с Владимира Красно Солнышко, который в 988 году от Рождества Христова выбрал для россиян религию — православие.

У западноевропейского католика есть две власти — светская и духовная. Условный французский дворянин, скажем, шевалье д'Артаньян, считает себя подданным короля, но прихожанином Папы Римского. Случись конфликт между Парижем и Римом — у шевалье был бы непростой выбор!

У россиян же нет такого двоевластия: с XV века, с падения Византии, русский православный видит одну власть и одну столицу — Москву. Центральная власть для него священна, царь — практически бог. Отголоски этого чувствовались и во времена культа личности Сталина, и в наши дни. Глава России для россиянина — глава всего.

Было и ещё одно важное для истории страны последствие выбора святого Владимира: по словам учёного, российская тяга к Константинополю, к власти над Босфором стала причиной участия России в Первой мировой войне, которая, в свою очередь, породила несколько революций и Вторую мировую войну. А ведь в 1913 году, как напомнил собравшимся Сванидзе, экономисты предрекали России роль ведущей мировой экономики XX века и численность населения в 600 млн человек! Но началась война, и случилось то, что случилось. Сванидзе приводит выражение Солженицына: «Катастрофически проигранный Россией XX век».

Теперь Россия производит всего 2% мирового ВВП, тогда как страны Запада в совокупности — 42%. В этой ситуации, утверждает Сванидзе, России было крайне неразумно идти на обострение международной обстановки и оставаться без союзников. «Наши действия за последний год — даже на спор — не могли бы

ФОТО КОНСТАНТИН ДОЛГАНОВСКИЙ

быть менее эффективными с точки зрения государственных интересов». Владимиром Путиным сегодня движет, по мнению Сванидзе, то же «стремление убить двух зайцев — геополитического и духовного», что было и у русских царей, стремившихся захватить Константинополь, чтобы утвердиться в центре православия и получить контроль над Босфором, потому что без выхода в Средиземное море флот в Севастополе не имеет смысла — что в царские времена, что сейчас.

В истории Сванидзе видит причины фундаментальных отличий российской социальной ментальности от западной: в России существует приоритет государства над личностью, на Западе, напротив, личность первична; в России нет уважения к собственности — «богатый — это вор», а на Западе собственность — это нечто святое и незыблемое. В азиатских странах, к которым в этом отношении близка Россия, собственность — это атрибут власти. Троцкий писал (Сванидзе цитирует по памяти): «Главная цель советской бюрократии — приобщиться к собственности. И она приобщится». Напомнив про советские пайки и госдачи, Сванидзе сообщил, что до 1991 года реальных денег в России не было, а как только они появились, государственная бюрократия к ним немедленно «приобщилась».

Государственная власть так крепко связана с собственностью, что за последние 10 лет полностью поменяла весь состав олигархии: у тех, кто вовремя не приполз на колени и не присягнул «государю», собственности уже нет. А есть она у тех, кто приполз, присягнул и добровольно отдал собственность, чтобы потом государь мог её милостиво отдать обратно.

Боязнь Запада в российской ментальности присутствовала всегда: «Как раньше боялись Великой французской революции, так сегодня боятся Оранжевой. Запад — рассадник революций!» По этому поводу Сванидзе цитирует славянофила Аксакова: «Понастроили конституций, понаделали революций, а сами

прогнали, того и гляди упадут». Стало быть, образ гниющего Запада — далеко не советское изобретение.

Проводя исторические параллели с современностью, публицист напоминает, что совсем недавно, 25 февраля, была очередная годовщина исторического доклада Никиты Хрущёва на XX съезде ЦК КПСС, когда впервые прозвучало словосочетание «культ личности», и предостерегает от новых культов.

Много говорили о болезнях современного российского общества, и Сванидзе подметил, что в российском обществе сохраняются все болезни советского времени, в частности — отсутствие традиции свободы. В связи с этим гость Клуба депутатов вспомнил чрезвычайно выразительный эпизод из воспоминаний Герцена, в котором рассказывается о том, что Николай I, ещё будучи великим князем, как-то на плацу замахнулся на офицера, который хладнокровно ему ответил: «Ваше царское высочество, у меня ведь сабля есть», — и царевич опустил руку, потому что понял: убьёт. Его, конечно, потом повесят, но убитому от этого легче не станет. Позже Николай Палыч пытался найти связь этого офицера с декабристами, но нашёл и отступился.

Дворянство, к которому принадлежал гордый офицер, было единственным сословием в России, которое ценило личную свободу и достоинство. Основная масса россиян ещё в середине XIX века пребывала в рабстве. Граф Уваров писал (опять цитирует наизусть): «У каждой политической религии свои догматы, у нашей — крепостное право. Оно дано на века, отменить его невозможно, да и ни к чему». «Рабством гордились!» — восклицает Сванидзе. — Вот они, духовные скрепы!»

Революция и годы Большого террора напрочь истребили сословия, которые знали, что такое свобода, что такое личное достоинство. Сначала дворян, затем военачальников, интеллигенцию... «Мы с вами — потомки рабочих и крестьян,

то есть людей, которые ещё в середине XIX века были в рабстве», — констатирует Сванидзе.

Обобщая свою лекцию на тему «история и современность», Сванидзе сделал выводы: в современной России нет суда — института, который обязан защищать независимость личности; нет свободной прессы, которая обязана служить связью между властью и обществом; нет демократии, потому что настоящая демократия — это работающие институты, а не власть большинства; нет сменяемости власти, а несменяемая власть неэффективна, потому что все начинают её бояться и врать ей. В отсутствие демократических институтов нет свободы: «у нас имитационные институты — и свобода тоже имитационная».

После подробного исторического экскурса поговорили и о будущем. В ближайшем будущем историк ничего хорошего не предвидит. Россия, по его мнению, движется от большевизма к фашизму. «Украина — явление временное, она так или иначе уйдёт с повестки, Америка далеко... А ксенофобия растёт. Совсем недавно ненавидели грузин, теперь об этом уже не помнят, ненавидят украинцев! Растёт градус ненависти, и он будет продолжать расти по мере развития экономического кризиса, приближая опасность войны всех против всех».

Сванидзе не видит позитивного выхода из истории с Украиной и Донбасом. Нет надежды, что Запад расколется в отношении к России — «напротив, мы сделали всё, чтобы его объединить. Украинцу мы потеряли. Остальные соседи — Белоруссия, Казахстан — мы и с ними рассорились. Никто не признал Крым нашим, кроме, кажется, Никарагуа. Лукашенко и Назарбаев не признали — они испугались рассуждений Путина о «русском мире», о разделённой нации. Где у нас союзники, кроме дышащих на ладан латиноамериканских режимов?»

«Поворот на Восток», о котором много говорят, по мнению тележурналиста, тоже невозможен: «Китай не будет ничьим союзником, кроме самого Китая. Мы сейчас сидим у них в приёмной и ждём условий дружбы, но Китай — мировая мастерская, работающая по западным лекалам, ему выгоднее дружить с Западом, чем с нами».

Россию с ядерной бомбой Сванидзе сравнивает с мужиком, который бежит по улицам, размахивая топором. Его, конечно, боятся, но вовсе не уважают, а только мечтают утихомирить и обезоружить. Самое опасное — это небывалый градус ненависти в обществе, подогреваемый телепропагандой. Если в прежние десятилетия народ готов был всё терпеть, «лишь бы не было войны», то нынче общество готово к войне, и это чрезвычайно опасно.

И всё же... «Я верю, что всё будет хорошо, хотя ничего хорошего, кроме своей веры, я не вижу», — шутит Сванидзе.